

УДК 343.11
ББК Х71

Мария Борисовна Ворошилова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры риторики
и межкультурной коммуникации
Уральского государственного
педагогического университета
г. Екатеринбург. E-mail: shinkari@mail.ru

Карапетян Артур Андраникович

соискатель кафедры уголовного права
Уральского юридического
института МВД России,
оперуполномоченный по особо важным
делам Центра по противодействию
экстремизму ГУ МВД России
по Свердловской области,
г. Екатеринбург. E-mail: shinkari@mail.ru

**К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРУГА ВОПРОСОВ
СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ¹**

Рассмотрены проблемы определения экстремизма (экстремисткой деятельности) в юридической и научной практике, описаны особенности данного понятия в русском языковом сознании. Опираясь на полученные результаты, определены возможные вопросы для проведения судебной лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремисткой направленности, выделены признаки информации, возбуждающей национальную, расовую или религиозную вражду. В заключении обоснована необходимость корректировки определения «экстремизма», расширения списка вопросов, решаемых в рамках судебной экспертизы, расширения состава экспертов.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, судебная лингвистическая экспертиза, возбуждающая информация.

На протяжении всей истории человечество неоднократно сталкивалось с самыми различными проявлениями экстремизма, нетолерантности, нетерпимости к чужой религии и традициям.

Для российского государства, исторически сложившегося как многонациональное и многоконфессиональное, особую опасность, несомненно, несут национальный экстремизм, ксенофобия, этнический негативизм и другие формы проявления экстремизма. Именно они вносят раскол в общество и нарушают межнациональное и гражданское согласие.

Всплеск социальной, этнической и религиозной нетерпимости, лежащей в основе экстремизма, сопровождается, как правило, исторические перемены, социально-экономические изменения, так как неудовлетворенность

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность»).

в любой сфере жизни приводит к поиску виноватого в лице власти, представителей других народов или других конфессий. Таким образом, ксенофобия возникает как стремление к самоутверждению своей общности путем этнического негативизма [1].

Именно идеи ксенофобии чаще всего служат сырьем, фундаментом для развития экстремизма. Если ксенофобия – это нетолерантное отношение к группам, которые воспринимаются как «чужие» по национальному, расовому или религиозному признаку, то экстремизм – это уже целенаправленная деятельность, целью которой, как правило, является разжигание розни.

Мировой опыт показывает, что идеи экстремизма захватывают сознание общества постепенно, подталкивая людей к агрессивным действиям, актуализируя «обиды» того или иного народа. В настоящее время тема экстремизма является остроактуальной, так как невзирая на предпринимаемые правоохранительными органами усилия растет количество преступлений экстремистской направленности, которые представляют собой серьезную угрозу стабильности и общественной безопасности как во всем мире, так и в нашей стране.

Современный российский экстремизм, отрицающий этническое и религиозное многообразие, которые являются важнейшими самобытными факторами исторического развития России, угрожает безопасности общества (безопасному сосуществованию наций и социальных групп) и государства, нарушает права человека, препятствует достижению гражданского согласия, подрывает устои демократического и правового государства.

Таким образом, очевидно, что чрезвычайно важно иметь целую систему мер предупреждения любых проявлений экстремизма. Разработка эффективной и всеобъемлющей системы государственно-политических мер профилактики и противодействия экстремизму в первую очередь требует выработки достаточно корректного и глубокого определения экстремизма.

Представленное в большинстве толковых словарей определение экстремизма как «приверженности к крайним взглядам и мерам» [5, с. 678; 9, с. 678; 2, с. 1518] является широким, общим и не имеет правовой базы, а значит, не порождает юридическую ответственность или какие-либо правовые последствия.

В русском языковом сознании данное понятие также не имеет четких границ. Так, например, фонд «Общественное мнение» (ФОМ) в 2000 г. провел социологический опрос, предлагая ответить на вопрос: «Как Вы понимаете слово “экстремизм”, что оно означает?» [13]. Опрос проводили среди населения в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик России 14-15 октября 2000 г. В опросе приняли участие 1500 респондентов. 36% россиян не смогли объяснить значение этого понятия, заявили, что не знают, что это такое. Часть респондентов (2%), не сумев дать определение данному понятию, просто выразили свое негативное отношение к экстремизму («это плохо», «ругательное слово», «экстремисты – зачинщики плохого»). Общие итоги опроса

свидетельствуют о несформированности данного понятия в русской языковой сознании.

Объяснить, что значит «экстремизм», взялись 37% респондентов. Их ответы были объединены в несколько групп (данные представлены в процентах от числа опрошенных).

Экстремизм – это:

- насилие, жестокость, агрессия, ненависть – 8;
- терроризм, бандитизм – 7;
- крайние формы выражения идеологических взглядов – 7;
- фашизм, национализм – 6;
- антигосударственная деятельность, захват власти – 3.

Таким образом, помимо закрепленного в словарных дефинициях значения («крайние формы выражения взглядов»), данное понятие в русском языковой сознании включает в себя еще четыре семантических компонента: 1) насилие; 2) терроризм; 3) национализм; 4) захват власти.

Первые два компонента могут быть объединены, так как терроризм чаще всего понимается как политика, основанная на систематическом применении террора, то есть насилия, запугивания, устрашения (лат. *«terror»* – страх, ужас).

Однако следует отметить, что в современном русском языке (чаще в публицистическом дискурсе) понятия экстремизма и терроризма нередко используются как синонимы или как равнозначные понятия (через союз «и»). Насильственные действия экстремистов по отношению к инакомыслящим нередко называют терроризмом, но важно учитывать, что слово «экстремизм» по своему содержанию значительно шире понятия «терроризм», поскольку последний зачастую является лишь орудием достижения целей первого.

Близость понятий национализма и экстремизма в русском языковой сознании также предсказуема. Несмотря на то, что национализм в мировой практике понимается как идеология, проповедующая верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, территории ее проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей [8] несмотря на то, что данное понятие близко к понятию патриотизма в современном русском языке наиболее употребительное значение слова «национализм» по смыслу близко к шовинизму, этнократии, ксенофобии, экстремизму.

Например, «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова определяет национализм как «идеологию и политику, исходящую из национального превосходства и противопоставления своей нации другим». Схожие определения дают «Большой энциклопедический словарь» под редакцией А.М. Прохорова (М.: Большая российская энциклопедия, 2004), «Новый словарь русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой (М.: Русский язык, 2000) и др. [2; 3; 12].

Данное значение имеет выраженный негативный оттенок и делает акцент на превосходстве своей нации, национальном антагонизме и национальной замкнутости. По мнению историка А. Миллера, это связано, с одной стороны, с тем, что Россия в целом слабо знакома с идеологией национализма, а с другой – с намеренным искажением принятого в мире значения данного термина в Российской Империи и Советском Союзе [11]. Следствием стала практика подмены терминов, которую в своих целях используют как противники национализма, так и сторонники национальной исключительности.

Однако следует учитывать, что пересечение терминов «национализм» и «экстремизм» фрагментарно: мы можем говорить о том, что крайний национализм является основой экстремизма, причем национального.

Что касается значения захвата власти, которое также лишь частично отражает сущность рассматриваемого понятия, то оно стало в свое время основой для формирования его юридического определения.

Для научного осмысления понятия экстремизма необходимо в первую очередь рассмотреть его в контексте существующей нормативно-правовой базы. В разных странах и в разные времена было дано много разных юридических и научных определений понятию «экстремизм», но единого, общепризнанного определения на сегодняшний день не существует.

Впервые понятие «экстремизм» в российском праве в качестве юридического термина, по мнению некоторых исследователей [15], возникло в связи с подписанием и ратификацией «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 г. (п. 3 ч. 1 ст. 1): «Экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [20].

Шанхайскую конвенцию подписали такие страны, как Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. В январе 2003 г. она была ратифицирована и с 29 марта того же года вступила в силу в России.

Основой данного определения экстремизма становится действие, деяние, целью которого является свержение власти, захват власти. Совершенно справедливо отмечают такие исследователи, как Мартыанов В.С., Фишман Л.Г., что «экстремизм законодательно и объективно можно “зафиксировать” только тогда, когда крайние формы политического мышления переходят в “экстремизм действия”» [10].

В российской юридической практике используется более широкое понятие экстремизма, однако в основе его также лежит действие. При этом российское законодательство раскрывает не понятие экстремизма, а лишь

содержание экстремистской деятельности (см. статью 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»). В соответствии с поправками от 29 апреля 2008 г. к экстремистской деятельности (экстремизму) относятся:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (свастика);
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [18].

Точной и однозначной трактовки данного термина нет ни в научной, ни в юридической практике. Именно поэтому для правильной квалификации противоправных действий экстремистской направленности в юридической практике принято «привлекать экспертов, профессионально владею-

щих специальными познаниями в области социальной психологии и лингвистики» [14].

Все это обуславливает особую актуальность в современном обществе проблемы судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности. Ученые самых разных отраслей науки (филологи, социологи, юристы, психологи, философы) разрабатывают новые объективные методики анализа разных информационных материалов, проводят комплексное исследование проблем нетерпимости и ксенофобии.

При этом самой распространенной и востребованной в российской юридической практике остается именно лингвистическая экспертиза, так как «выявление смысловой направленности текстов и используемых пропагандистских приемов» считается центральным звеном в процессе квалификации экстремистских действий: «определяющим является смысловая функция таких сообщений, то, ради чего, в подтверждение каких взглядов и идей они используются, какие представления и установки и какими средствами пропагандируются, навязываются читателям (слушателям, зрителям)» [14].

Традиционно перед лингвистом-экспертом ставят на разрешение следующие вопросы, в свое время рекомендованные Генеральной прокуратурой Российской Федерации:

1. Выражают ли использованные в данном материале словесные (изобразительные) средства унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении какой-либо этнической, расовой, религиозной группы (какой именно) или отдельных лиц как ее представителей?

2. Содержится ли в данном материале информация, побуждающая к действиям против какой-либо нации, расы, религии (какой именно) или отдельных лиц как ее представителей? [14].

Данные рекомендации получили поддержку специалистов, выполняющих лингвистические экспертизы. Так, сотрудники Ассоциации лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» (г. Барнаул) и Автономной некоммерческой организации лингво-юридических экспертиз и консультаций «Юрислингвистика» (г. Кемерово) предлагают аналогичные типовые вопросы по спорным речевым произведениям в связи с уголовными делами по обвинению в экстремистской деятельности, а также по обвинению в возбуждении расовой, религиозной, национальной и социальной ненависти и вражды.

1. Имеются ли в спорном речевом произведении высказывания оскорбительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической или социальной группы.

2. Является ли спорное речевое произведение призывом.

3. Создается ли образ врага в спорном речевом произведении [4, с. 7].

Таким образом, главной задачей эксперта становится выявление возбуждающей, согласно определению ст. 282 УК РФ, информации, «которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы

или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них» [17].

Итак, возбуждающая экстремизм информация должна обладать тремя основными признаками:

- 1) содержать отрицательную эмоциональную оценку объекта повествования (в данном случае нации, расы, религии);
- 2) формировать негативную установку по отношению к данному объекту;
- 3) подстрекать к действиям, направленным против объекта повествования.

Ключевыми видами возбуждающей национальную, расовую или религиозную вражду информации признаны:

- формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии;
- перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю этническую или религиозную группу;
- приписывание всем представителям этнической или религиозной группы стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой;
- утверждение о природном превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности или порочности других;
- приписывание враждебных действий и опасных намерений одной нации, расе, религии по отношению к другим;
- возложение вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, расовую, религиозную группу;
- утверждение об изначальной враждебности определенной нации, расы по отношению к другим;
- утверждение о полярной противоположности и несовместимости интересов одной этнической или религиозной группы с интересами других;
- утверждение о наличии тайных планов, заговоров одной национальной или религиозной группы против других;
- объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных этнических, расовых, религиозных групп;
- побуждение к действиям против какой-либо нации, расы, религии;
- поощрение, оправдание геноцида, депортаций, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, расы, религии;
- требование вытеснения из различных сфер деятельности лиц определенной национальности, расы, конфессиональной принадлежности;
- требование ограничить права и свободы граждан или создать привилегии по национальному, расовому, религиозному признаку;
- угрозу и подстрекательство к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы или по признаку религиозной принадлежности [14].

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и существующей юридической практикой прове-

дения судебных лингвистических экспертиз, в компетенцию лингвиста входят следующие задачи: установление наличия/отсутствия призывов в спорном речевом произведении; установление наличия/отсутствия речевых актов оскорбления по отношению к какой-либо группе лиц, объединенных на основе расовых, религиозных, социальных признаков [4].

Следующие вопросы, определяющие, квалифицирующие экстремистскую деятельность, не могут быть поставлены перед специалистом-лингвистом, так как не входят в его компетенцию.

1. Установление содержания призывов: например, являются ли выявленные призывы призывами к насильственному изменению основ конституционного строя РФ; являются ли действия, к которым автор призывает неопределенную группу лиц, экстремистскими действиями и др.

2. Установление реальных (то есть некоммуникативных) намерений говорящего: например, направлен ли текст на возбуждение социальной, расовой, межнациональной розни.

В Постановлении Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» отмечено: «При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды» [19].

Данные вопросы имеют прямое отношение к сфере компетенции юриста и не входят в пределы специальных познаний лингвиста.

3. Также в компетенцию лингвиста-эксперта не входит оценка возможности/невозможности негативных последствий, которые способен повлечь исследуемый материал, а значит, в его компетенцию не входит установление способности призывов побуждать неопределенную группу лиц к конкретным действиям либо установление способности действий, к которым призывают, приносить ущерб общественным отношениям.

Кроме того, поскольку состав преступлений, предусмотренных статьями 280 и 282, носит формальный характер, в данной группе избыточны вопросы о наступлении реальных последствий и об установлении причинно-следственных связей между текстом и этими последствиями.

Расширение круга решаемых вопросов и материалов в рамках судебной экспертизы возможно только с привлечением специалистов иной квалификации; в последнее время в научном и юридическом дискурсах все большее распространение получают комплексные исследования текстов.

Данный факт обусловлен целым рядом причин.

Во-первых, именно комплексные исследования позволяют избежать одностороннего и необъективного изучения свойств представленных материалов [15, 16]. Основное отличие комплексного исследования заключается в

том, что в нем принимают участие специалисты разных областей знания и оно проводится несколькими (не менее двух) учеными.

Во-вторых, проведение комплексного исследования позволит расширить предмет экспертизы. Так, например, используя традиционный инструментарий, лингвист, как правило, может ответить только на вопрос, «о чем анализируемый текст», но не о том, как данный текст воспринимается адресатом и в какой степени воздействует на его сознание: данные вопросы относятся к компетенции психолога.

Оценка воздействующего потенциала текста может быть проведена путем контент-анализа видеофрагментов, психологической диагностики процессов, состояний и свойств психики субъекта и анализа его психофизиологического состояния в процессе просмотра видеофрагментов [6].

Следует учитывать, что важным для точной квалификации экстремистских действий является вопрос о подлинности фактов и достоверности сообщений, который, несомненно, лежит за пределами психолингвистического анализа и относится к компетенции таких специалистов, как историки, религиоведы, экономисты, политологи, генетики, антропологи, этнологи и др.

Данных специалистов необходимо привлекать для проведения комплексных экспертиз, в рамках которых на разрешение поставлены следующие вопросы:

– соответствуют ли данным современной науки (истории, религиоведения, антропологии, генетики, источниковедения и др.) приведенные в публикации положения;

– являются ли эти положения научно обоснованными, доказанными;

– правильны ли утверждения и выводы, основанные на приведенных в публикации данных (исторических, экономических, политических и др.) [14].

Итак, в заключение отметим, что предложенный список вопросов для проведения экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности позволяет квалифицировать основные признаки экстремизма, закрепленные в российской юридической практике, но корректировка определения «экстремизма», развитие средств экстремистской деятельности, эволюция используемых материалов уже диктуют необходимость расширения списка данных вопросов и увеличения состава экспертов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Авшалумова Л.Х.* Национальный экстремизм и его проявления. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/nacionalnyy-ekstremizm/item/623-nacionalnyy-ekstremizm-i-ego-proyavleniya> (проверено 7.02.2012 г.).
2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая рос. энцикл., 2004. 1456 с.
4. *Бринев К.И.* Лингвистическая экспертиза: справ. материалы. Барнаул; Кемерово: РОО АК АЛЭП «Лексис», 2009. 17 с.

5. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов / Под ред. В.Н. Сивчикова. Р.И. Шастак. Изд. 2-е, испр. М.: Мартин, 2008. 704 с.
6. Ворошилова М.Б., Злоказов К.В. Комплексное психолого-лингвистическое исследование креолизованного текста: методы психологического исследования // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Ростов н/Д: Ростиздат. 2011. С. 83-89.
7. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Моногр. М.; Волгоград: ПринТерра, 2003. 131 с.
8. Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 3. С. 185-203.
9. Крысин А.П. Толковый словарь иноязычных слов. Изд. 6-е, испр. и доп. М.: ЭКСМО, 2005. 944 с.
10. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Быть свободным или «бороться с экстремизмом»? // Новый мир. 2008. № 11. С. 132-152.
11. Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4. С. 141-151.
12. Новый словарь русского языка / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Рус. яз., 2000. 1233 с.
13. Понятие «экстремизм»: результаты социологического опроса Фонда «Общественное мнение». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pow_terr/dd002628 (проверено 09.03.2012 г.).
14. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды: Утверждены зам. Генерального прокурора РФ М. Б. Кагышевым 26 июня 1999 г. // Нац. газ. 2002. № 8-12(58-62). URL: http://antirasizm.ru/doc/publ_104.doc. (проверено 27.04.2011 г.).
15. Султанов А.Р. Проблемы применения норм законодательства о противодействии экстремизму // Рос. юстиция. 2010. № 9. С. 66-68.
16. Трошина Н.Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. С. 62-68.
17. Уголовный Кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (проверено 21.03.2012 г.).
18. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» // Рос. газ., 2002. 30 июля. URL: <http://www.referent.ru/1/95895/> (проверено 14.03.2012 г.).
19. Постановление пленума Верховного суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=7315 (проверено 21.03.2012 г.).
20. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001). URL: <http://www.referent.ru/1/10927> (проверено 14.03.2012 г.).

Материал поступил в редколлегию 06.08.2012 г.

FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION: DEFINITION OF RANGE OF ISSUES IN CASES OF EXTREMISM

Maria B. Voroshilova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Chair of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg. E-mail: shinkari@mail.ru

Arthur Karapetyan, post-graduate candidate, Criminal Law Department, Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Operative authorized officer for particularly important cases, Anti-Extremism Centre, Chief Directorate of Internal Affairs, Sverdlovsk region, Ekaterinburg. E-mail: shinkari@mail.ru

Ворошилова М.Б., Карапетян А.А. К определению круга вопросов судебной лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности

Abstract: problems of defining extremism (extremist activity) in legal and scientific practice are discussed, peculiarities of this concept in Russian linguistic consciousness are described. Based on the results, possible questions are specified, which can be used in judicial linguistic expertise in cases of extremism; signs of information, which stimulates national, race or religious hostility are singled out. In conclusion, the necessity of correction of the definition of "extremism", as well as expansion of the list of questions solved within the frameworks of judicial expertise and increase of the number of experts is proved.

Keywords: extremism, extremist activity, forensic linguistic examination, inciting information.